ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 04.08.2026 | Михаэль Рот

Слепое пятно

Почему левые силы не должны уступать другим дискуссию об исламском фундаментализме

Ни одна религия в Европе сейчас не поляризует общественную дискуссию так сильно, как ислам. Исламистский теракт во время Christopher Street Day в Берлине в очередной раз обострил это противостояние. Он встал в один ряд с серией исламистских атак в Париже, Вене, Дрездене, Мангейме и Золингене. В то же время усиливаются конфликты, связанные с деятельностью мечетей, источниками их финансирования и соблюдения Основного закона в обособленных сообществах. С каждым годом эти дебаты становятся все острее. Однако один лагерь держится в стороне с поразительным упорством. И это, как ни странно, именно политические левые.

У левых сил есть «слепое пятно» в отношении исламского фундаментализма. Мы уклоняемся от дебатов, замалчиваем или преуменьшаем реально существующие проблемы. А там, где все же ведем этот разговор, делаем это заняв оборону. Это опасно. Участвуют ли прогрессивные силы в этом противостоянии или нет – оно все равно происходит. Если мы уступим его другим, определять его ход будут националисты и популисты – на своих условиях и со своим лексиконом. Именно потому эта дискуссия назрела уже давно. И вести ее нужно именно с левых позиций.

Причины нашей сдержанности, впрочем, глубже, чем привычные обвинения со стороны правых. Они связаны с убеждениями, которые я сам разделяю как социал-демократ. Именно поэтому мы должны озвучить их сами.

Во-первых, наше понимание гражданской принадлежности основано на общих ценностях. Этническая принадлежность и религия играют здесь второстепенную роль. Европа сформирована христианской культурой. При этом общество, определяющее себя через общие ценности, не может и не должно исключать ни одну из религий. Миллионы мусульман являются неотъемлемой частью нашего общества. Многие из них даже не считают себя религиозными, но при этом воспринимают мусульманские корни как незыблемую часть

своей идентичности. В то же время из-за незнания, предрассудков и страха они сталкиваются со скептицизмом и даже открытым неприятием. Поэтому любой разговор об исламском фундаментализме всегда задевает и тех людей, которые не имеют к нему никакого отношения. Это беспокойство оправдано, но оно не должно приводить к замалчиванию проблем.

Во-вторых, со времен крупных волн беженцев 2014 и 2015 годов мы из гуманитарных соображений приняли миллионы людей, не спрашивая их о вероисповедании. Тогда это было понятно. Но из этого выросло негласное соглашение: о конфликтах на религиозной почве лучше вообще не говорить. При этом забывают как раз тех, кто бежал от исламского фундаментализма: от Талибана, так называемого Исламского государства или режима мулл в Тегеране. В наших дебатах их голос практически не слышен. Тот, кто из страха перед обобщениями молчит об исламском фундаментализме, защищает вовсе не слабых. Мы их просто игнорируем.

Из этого выросло негласное соглашение: о конфликтах на религиозной почве лучше вообще не говорить

В-третьих, наше общество страдает от растущей религиозной безграмотности. Впервые со времен христианизации современной Германии две крупнейшие церкви вместе взятые больше не составляют большинства населения. В Восточной Германии, в Берлине и многих крупных городах это уже справедливо для всех религиозных общин в целом. Тот, кто мало знает о собственной религии, о чужой чаще всего знает еще меньше. Преимущественно секулярное общество сталкивается здесь с людьми, для которых религия служит главным ориентиром в жизни – часто в сочетании с весьма консервативными представлениями о культуре и быте. Для уважительного и одновременно критического диалога часто банально не хватает словарного запаса. Французский лаицизм показывает, к чему это может привести: там, где религия вытесняется из публичной сферы, возникает вакуум, который исламистские идеологи используют для радикализации молодежи.

К этому добавляется модель восприятия, которая больше распространена в США, но уже давно проникла в Европу: деление

мира на привилегированных угнетателей и дискриминируемых угнетенных. Безусловно, критическое осмысление колониального прошлого необходимо и давно назрело. Однако в этой упрощенной трактовке христианство предстает религией угнетателей, а ислам сам по себе – религией угнетенных. Исторически это не выдерживает никакой критики. Существовал и исламский колониализм, да и по сей день в некоторых частях Африки и Азии существует угнетение, легитимируемое исламом. Свое самое изощренное проявление это искажение истории находит в антисемитизме, направленном против Израиля, который объявляет евреев «белыми колонизаторами».

Кроме того, мы недооценили, в чем заключается настоящая опасность исламского фундаментализма. Она исходит не столько от терактов, сколько от систематического внедрения. Общества, ассоциации и организации – вплоть до политических партий – годами подвергались проникновению и использовались в фундаменталистских целях. Там, где это удается, многое из того, что несовместимо с прогрессивной политикой, отодвигается в сторону, поскольку часть политических левых видит себя союзниками якобы «угнетенной мусульманской общины».

И, наконец, свою роль играет избирательная арифметика. Некоторые социал-демократы, «зеленые» и левые представляют округа с высокой долей людей с миграционным прошлым, среди которых много мусульманских избирателей. Ни одна партия не хочет легкомысленно рисковать этими голосами. Это можно понять. Проблема возникает там, где обоснованная деликатность перерастает в политическое молчание. Многие из этих избирателей ценят, например, СДПГ как партию социальной справедливости, но к общественно-политической модернизации, за которую мы активно боролись, относятся с растущим недовольством.

Когда все больше граждан приходят к выводу, что мы больше не хотим замечать их реальные тревоги и опыт, мы теряем их доверие

Расизм означает дискриминацию и угнетение людей на основе приписываемых им признаков, цвета кожи или происхождения. Поэтому к понятию «антимусульманский расизм» следует относиться критически: оно настолько расширяет понятие расизма, что теряет свою смысловую четкость. Эту критику, к слову, разделяют и многие либеральные мусульмане.

Левый спектр всегда вел принципиальные споры с религией. Возмущение по поводу католического епископа, заявившего в конце 1980-х, что СПИД – это кара Божья за грех гомосексуализма,

оказало на меня глубокое политическое влияние. Сюда же можно отнести связи Евангелической церкви с национал-социализмом или тот факт, что женщины в некоторых региональных церквях смогли рукополагаться в сан только с конца 1960-х годов. Это были жесткие общественные споры. Никому и в голову не приходило говорить об «антихристианском расизме». Свобода вероисповедания и критика религии обуславливают друг друга. Тот, кто использует обвинение в расизме, чтобы пресекать любой критический вопрос на корню, вредит и тому, и другому.

Для социал-демократии особенно это крайне опасно. Мы переживаем культурную борьбу, в которой националистические и популистские силы все больше берут верх. Когда все больше граждан приходят к выводу, что мы больше не хотим замечать их реальные заботы и переживания, мы теряем их доверие. Если политический ответ на исламистский теракт заключается прежде всего в требовании внести защиту ЛГБТИ в Основной закон, то само по себе это может быть оправданным. Но как реакция на теракт это оставляет многих людей в полном недоумении.

Вполне справедливо возникает вопрос: почему даже квир-люди голосуют за консервативные партии или «Альтернативу для Германии» (AfD), которые никогда ничего не делали для их равноправия? Горький ответ: многие больше не чувствуют, что социал-демократия представляет их интересы. У них складывается впечатление, что именно прогрессивные партии встают на защиту тех, кто оскорбляет и угрожает геям, лесбиянкам и трансгендерам в публичном пространстве.

Политические левые всегда были эмансипаторской силой. Наша борьба никогда не была исключительно экономической. Она всегда касалась и гендерного равенства, и преодоления патриархата. Мы должны вернуться к этому – активно и не боясь собственной аудитории. Тот, кто справедливо требует всего этого от «старого белого мужчины», должен требовать того же и от мусульман-мигрантов. В этом нет ни правого уклона, ни исламофобии. Социал-демократия должна оставаться верной обществу, в котором все люди могут быть разными без страха. Именно поэтому она не имеет права уступать дискуссию об исламском фундаментализме другим.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Михаэль Рот

Берлин

Михаэль Рот (Michael Roth) был депутатом Бундестага от СДПГ с 1998 по 2025 год. Он занимал должность председателя Комитета по иностранным делам, а с 2013 по 2021 год — министра по делам Европы в Министерстве иностранных дел. Сегодня он работает публицистом и консультантом.